

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ МОЛОДЕЖИ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, КАЗАХСТАНА И ЧЕХИИ): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАХОВ, НАДЕЖД И ОПАСЕНИЙ (Часть 2) *

Н.П. Нарбут, И.В. Троцук

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198, Москва, Россия
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

Статья представляет собой вторую часть заключительной публикации по результатам трех-летнего исследовательского проекта, который реализовывался сотрудниками кафедры социологии Российского университета дружбы народов совместно с зарубежными коллегами в целях сопоставительного анализа мировоззренческих приоритетов современной студенческой молодежи. В первой части авторы сосредоточились на обозначении акцентов в ценностях студентов трех стран в сопоставительном контексте. Во второй части авторы продолжают характеризовать ценностную сферу молодых поколений постсоциалистических стран, однако опираясь на эмпирические данные, собранные посредством другого опросного инструментария — посвященного страхам, надеждам и опасениям. Несмотря на активную проработку проблематики катастрофического/кризисного сознания в последние десятилетия и институционализацию социальных страхов как предмета социологического анализа, тематики ценностей и массовых страхов редко взаимоувязываются в эмпирических исследованиях, хотя реальные и «нормальные» страхи (тотальные и рутинизированные в «обществе риска» в терминологии У. Бека) выступают ключевым индикатором ценностных ориентаций, даже если не актуализированы, но презентуются в качестве таковых средствами массовой информации. Серьезные модификации исходного инструментария в чешском и казахстанском опросах ограничили масштаб обобщений данных, но позволили выявить и сопоставить смысложизненные приоритеты и ключевые страхи студентов (в сфере трудоустройства, доходов, личной жизни, здоровья, учебы), общий уровень тревожности молодежи, предпочитаемые стратегии преодоления дискомфортных ситуаций и факторы, обуславливающие состояние тревоги. Полученные данные свидетельствуют, что (а) социальное самочувствие студенческой молодежи весьма амбивалентно во всех трех странах; (б) опасения и надежды российской молодежи схожи скорее с казахстанскими, чем с чешскими сверстниками; (в) оценки чешского студенчества демонстрируют большую определенность и консолидированность молодежного самосознания, а также, по ряду вопросов, тот стереотипный индивидуализм, о котором часто говорят, сравнивая российское «традиционное» общество с западным.

Ключевые слова: студенчество; молодежь; страхи; надежды; опасения; сравнительный анализ; опросный инструментарий

* © Нарбут Н.П., Троцук И.В., 2017.

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (РФФИ). Проект №15-03-00573 «Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран: сравнительный анализ (на примере России, Казахстана, Китая, Сербии и Чехии)».

Социальное самочувствие студенческой молодежи постсоциалистических стран — важный и даже обязательный контекст выявления ценностных ориентаций, который позволяет корректно интерпретировать их особенности. Поэтому в рамках нашего проекта мы использовали одновременно два опросных инструментария, обращаясь к респондентам с просьбой заполнить оба, и практически не сталкивались с отказами (как правило, студенты признавались, что обе темы показались им интересными): анкету, посвященную ценностным ориентациям, и анкету, оценивающую страхи, надежды и опасения студенчества. Результаты первого опроса были представлены в первой части публикации по итогам исследования, в данной статье приведены данные второго опроса. Однако прежде напомним читателям три важных обстоятельства. Во-первых, речь идет лишь о презентации и описании данных, проводить более сложную аналитическую работу мы не могли, потому что разработанный российской командой вариант второй анкеты, который наши чешские и казахстанские коллеги могли изменять только с позиций лингвистической эквивалентности и социальной релевантности, был сокращен и модифицирован ими в существенно большей степени, чем первый вопросник, посвященный ценностным ориентациям, поэтому мы проводим сопоставительный анализ не по всем тематическим блокам и вопросам анкеты. Кроме того, объективные организационные возможности проектов, подобных нашему, определяют пределы обобщения данных: мы говорим про условное столичное студенчество трех стран (для краткости — российские студенты, чешские и казахстанские), но в Москве было опрошено 1000 студентов старших курсов разных вузов (выборка квотировалась по профилям обучения — социально-гуманитарные специальности, технические и естественнонаучные), а в Праге и Астане были опрошены студенты только одного крупнейшего университета (800 студентов Карлова университета в Праге и 500 студентов Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева в Астане). Во-вторых, как было показано в первой части публикации, ценностная сфера студенчества трех стран по многим основаниям столь же поразительно схожа, сколь неожиданно различается по другим, и аналогичной амбивалентности молодежного самосознания следует ожидать, рассматривая его сквозь призму страхов, надежд и опасений.

В-третьих, мы не будем подробно останавливаться на особенностях социологического анализа катастрофического/кризисного сознания в условиях междисциплинарной институционализации проблематики социальных страхов в «обществе риска», поскольку варианты социологической концептуализации и эмпирического «измерения» страхов в заданном контексте были нами подробно рассмотрены ранее (1). Отметим лишь, что многолетняя теоретическая проработка и апробация методических приемов изучения страха не лишили данное понятие избыточной дискуссионности и коннотированности, что объясняется тотальностью и рутинизированностью реальных и «нормальных» страхов, а также маловероятных рисков в доминантном модусе их функционирования — как характеристик массового сознания. Неоднозначность и неустойчивость социологической трактовки страхов подкрепляется наличием множества иных дисциплинарных определений, которые оформились раньше, оказались популярны и прошли эмпирическую апробацию.

Речь не идет о философском осмыслении страха в его онтологическом и аксиологическом значениях, которые стали формироваться еще в Античности, а затем обогатились гносеологическими акцентами. Однако нельзя не принимать во внимание длительную психологическую традицию изучения тревожности, значительный вклад в которую внес, например, З. Фрейд, предложивший разводить реальные страхи — как реакцию на внешнюю угрозу, и невротические страхи, повторяющие определенное переживание прошлого под воздействием или без конкретной угрозы (яркий пример — фобии) [8].

До сих пор не существует универсальной классификации страхов, в том числе наиболее интересных для социологии социальных страхов. Это нередко объясняется тем, что в современном «обществе риска» многообразие и тотальность страхов исключают возможность их унифицированного определения, поэтому приходится учитывать все возможные типы угроз — реальные, потенциальные и даже мифологемные: практически как равноактуальные они представлены в массовом сознании вследствие навязчивого позиционирования их в подобном статусе всепроникающими средствами массовой информации [1]. Настойчивая медийная презентация рисков как неотъемлемого элемента современной жизни приводит к тому, что они перестают восприниматься лишь как детерминанта разнообразных форм деструктивного поведения, поэтому диагностика страхов и опасений позволяет лучше понимать ценностные приоритеты молодежи и ее социальное самочувствие.

Социологи стремятся охарактеризовать репертуар страхов, доминирующих в обществе в целом или в конкретной социально-демографической группе, как показатель определенного социального настроения/самочувствия [см., напр.: 2; 5; 6; 7]; а также оценить силу и распространенность отдельных страхов (скажем, смерти, безработицы или внешней угрозы) [см., напр.: 3; 4]. Важен не только уровень общей тревожности или масштабы и интенсивность определенного страха, но и диагностируемая через них картина социальной действительности в представлениях респондентов. В частности, высокие опасения экономической дезадаптации (падения уровня жизни, безработицы, неспособности обеспечить себя и семью и т.д.) и страх определенных социальных субъектов (агрессивных националистических движений, террористов, хулиганов и т.д.) свидетельствуют о негативной оценке социально-экономической ситуации и недоверии к государственным структурам и социальным институтам, призванным защищать граждан от экономических и криминальных угроз. Поэтому, конструируя опросный инструментарий, мы фокусировались на выявлении главных страхов молодежи, но контекстуализировали основную часть анкеты вопросами о смысложизненных приоритетах студентов (оценка роли высшего образования, трактовки личного успеха и необходимых для его достижения качеств и т.д.), об общем уровне тревожности и предпочитаемых стратегиях преодоления дискомфортных ситуаций. Ниже представлены результаты опросов в Москве, Праге и Астане (их последовательность отражает тематическую структуру анкеты), которые вынужденно носят не только описательный, но и фрагментарный характер: мы проводим сопоставления только по тем вопросам, по которым были получены данные хотя бы на двух выборках,

а также по мере возможности сравниваем самочувствие московского студенчества в 2013 и 2016 годах (что имеет смысл, учитывая изменение внутри- и геополитической ситуации за несколько лет).

Итак, оценки московскими студентами своего эмоционального состояния за последний месяц (рис. 1) оказались устойчивыми и не изменились за несколько лет: если сложить доли постоянно испытывающих беспокойство и напряжение (15% в 2013 году и 16% в 2016 году) и иногда ощущавших озабоченность и опасения (34% и 33%), то получим половину московской выборки; тогда как практически не ощущавших тревогу — 40%. Структура ответов в казахстанской выборке почти идентична, за исключением двух показателей — каждый десятый постоянно испытывает чувство беспокойства (против примерно каждого седьмого в российской выборке), и эта доля ниже за счет незначительно большей доли не испытывающих беспокойство (46% против 40%).

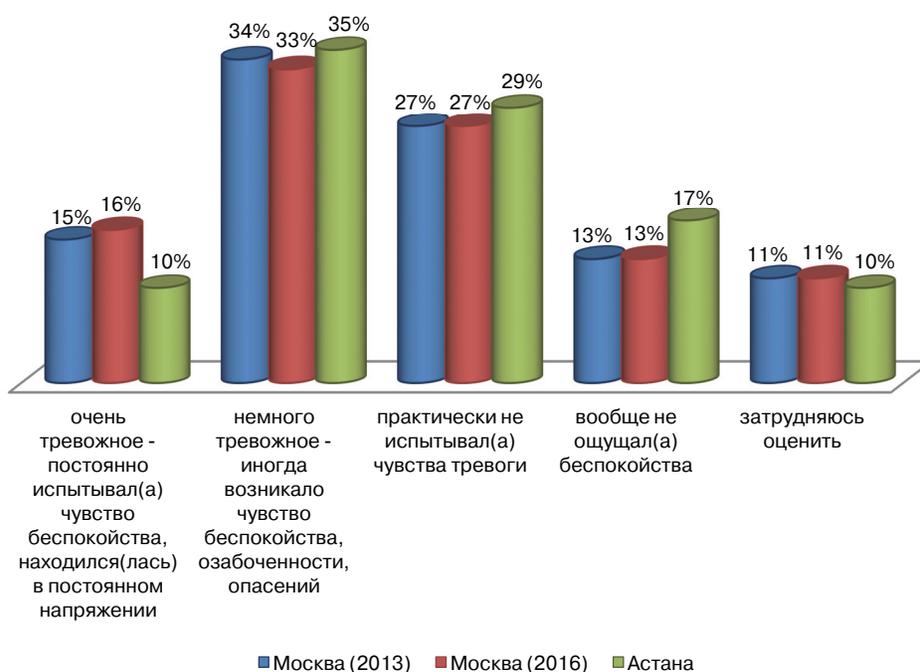

Рис. 1. «Оцени свое основное эмоциональное состояние за последний месяц»

Если российские студенты испытывают сильный страх или тревогу, то обращаются за советом/поддержкой/утешением к родным и близким (46% в 2013 году и 39% в 2016) или делятся переживаниями с друзьями (44% и 42%). В 2016 году мы добавили вариант ответа «общаюсь с друзьями/знакомыми в Интернете», и его выбрал каждый четвертый, что, видимо, отчасти объясняет снижение доли тех, кто «ждет, когда само пройдет» (22% против 13%). Распределение предпочитаемых вариантов преодоления сильного страха/тревоги в казахстанской выборке оказа-

лось схожим с прошлым опросом российской молодежи: каждый второй (47%) обратится к родным и близким, 38% поделится переживаниями с друзьями, но только 13% сделают это посредством социальных сетей, каждый пятый «подождет, когда само пройдет». Варианты ответов, которые в российской выборке набрали от 11% до 16% (обращение к специалисту, поиск утешения в вере, успокоительные препараты и алкоголь), в казахстанской выборке встречаются в два—три раза реже (от 4% до 8%), что, видимо, говорит о «традиционности» казахстанской молодежи в преодолении жизненных сложностей — об опоре на ближний круг вместо самостоятельного выхода из ситуации или обращения к чужим людям.

«Нормальная» амбивалентность молодежного самосознания трех стран проявилась в том, что в ответах на вопрос «Случалось ли тебе за последние несколько месяцев...» (табл. 1) лидерами по частоте упоминаний оказались одновременно позитивные и негативные эмоции. Мы используем определение «нормальная», потому что это действительно нормально — испытывать весь спектр эмоций, от положительных до отрицательных, и тем более нормально в этом признаваться. Анализировать полученные данные сложно, хотя этот вопрос практически идентичен во всех трех анкетах (но чешские коллеги убрали вариант «чувствовать отчаяние» как, видимо, слишком пессимистичный для использования в опросе молодых поколений), поэтому отметим лишь несколько моментов. Во-первых, распределение эмоциональных состояний в московской выборке за несколько почти не изменилось: каждый второй признается, что ему приходилось и радоваться своим успехам, и ощущать усталость и безразличие; а небольшие колебания нескольких показателей укладываются в пределы статистической погрешности. Указанные два эмоциональных состояния преобладают во всех выборках, но, как и в опросе, посвященном ценностным ориентациям, чешская молодежь выражает их более консолидированно — в том, что их испытывали за последние несколько месяцев, признается не каждый второй, а 80% и 90% соответственно.

Таблица 1

«Случалось ли тебе за последние несколько месяцев...» (в %)

Варианты ответов	Москва (2013)	Москва (2016)	Астана	Прага
радоваться своим успехам	49,5	55,4	54,6	80,2
испытывать абсолютное счастье	28,3	30,6	26,7	26,9
чувствовать, что тебе все удается	32,2	29,5	37,1	29,6
ощущать усталость, безразличие	46,6	44,1	41	89,5
чувствовать одиночество	24,6	25	24	34,9
испытывать страх	17,5	22,1	10,6	50,4
чувствовать обиду	29,5	29,5	25,3	21,6
ощущать растерянность	22,6	19,1	11,1	58,6
испытывать зависть	7,9	11,9	4,4	18,9
чувствовать отчаяние	14,5	20	6,2	—*
ощущать уверенность в завтрашнем дне	20,8	23,9	13,1	9,1
чувствовать себя свободным	29,5	30,6	18,9	32
ощущать озлобленность, агрессивность	26,7	23,4	12,7	33,5

* Вариант ответа не был включен в вопрос.

В целом блок позитивных эмоций представлен в опросе российского и казахстанского студенчества более консолидированно, чем блок негативных, причем в Астане доли испытывающих ряд негативных эмоций в два-три ниже, чем аналогичные показатели в Москве (ощущающие растерянность, страх, отчаяние, зависть, агрессию и пр.), но хотя среди казахстанских респондентов несколько больше тех, кто чувствует, что им все удается (37% против 30%), доля уверенных в завтрашнем дне среди них существенно меньше (13% против 24%). «Градус» эмоциональности чешских студентов выше, особенно в выражении негативных эмоций, хотя подобная «эмоциональность» может объясняться тем, что многие негативные эмоции в «традиционных» российском и казахстанском обществах принято скрывать как социально неодобряемые для открытого выражения, тогда как для чешского общества социальная «стигматизация» чувства страха, растерянности и агрессивности, видимо, не характерна (конечно, у нас нет достаточных оснований делать подобные обобщения, но в России и Казахстане первые две эмоции даже гендерно табуированы — считаются неприемлемыми для мужчин).

Нас интересовали не только страхи молодежи как таковые, но и наиболее типичные ситуации, в которых молодежь испытывает неприятные эмоции. Чтобы понять, насколько доминирующие страхи студентов носят социальный характер, мы привели список жизненных ситуаций, которые могут вызывать у человека панические реакции. Оказалось, что у московских студентов неприятные эмоции вызывают некоторые насекомые (38%; вполне предсказуемый результат для большого города, значительная часть рекламы в котором посвящена борьбе с невидимыми паразитами); на втором месте — некоторые животные и большая высота (27%), темные помещения (23%) и публичные выступления (данный социальный страх испытывает каждый четвертый); на третьем месте (около 18%) — боязнь замкнутого пространства и авиаперелетов; на четвертом (каждый десятый) — непереносимость вида крови, боязнь толпы, в том числе в метро, и поездок на автомобиле. Распределение ответов на этот вопрос в казахстанской выборке оказалось схожим с точки зрения доминирующих страхов, но доли испытывающих неприятные эмоции различаются и отсутствует ярко выраженный лидер: на первом месте по частоте упоминаний — боязнь темных помещений (25%), некоторых насекомых (30%), большой высоты и публичных выступлений (по 27%); на втором месте — замкнутое пространство (19%) и некоторые животные (15%); остальные страхи набрали менее 10%. Оказавшись в крайне дискомфортной ситуации, российские студенты пытаются сохранить самообладание и перебороть страх/негатив (по 34%), 27% молча терпят, пока все закончится, каждый четвертый учитывает конкретные обстоятельства, каждый десятый «скидает» и опускает руки (мы не ограничивали респондентов выбором одного варианта ответа, понимая, что даже в рамках одной и той же ситуации человек может сменить несколько поведенческих реакций). Предпочтения казахстанских студентов в неприятной жизненной ситуации оказались иными: треть (36%) стремится сохранить самообладание, треть (38%) учитывает конкретные обстоятельства для выбора поведенческой стратегии, каждый четвертый пытается перебороть свой страх или пассивно ждет, когда все закончится; в том, что он сразу опускает руки, призналось в два раза меньше респондентов, чем в московском опросе (5%).

Чтобы завершить блок страхов, напоминающих фобии и стереотипизированные медийные риски, и перейти к более социальным опасениям, мы использовали вопрос о том, какие заболевания (в широком смысле слова) респонденты считают самыми страшными. Московские студенты считают такими «заболеваниями» (поскольку в российском медийном дискурсе и общественном мнении доминирует трактовка ряда девиантных практик как заболеваний, мы включили их в список закрытий) ВИЧ/СПИД (63%), онкологические заболевания и наркотическую зависимость (каждый второй), реже называют алкоголизм, венерические и сердечно-сосудистые заболевания (каждый третий), нарушение репродуктивных способностей (невозможность иметь детей — 27%), табачную зависимость (каждый четвертый) и массовые эпидемии (каждый пятый). Лидером среди наиболее опасных заболеваний у казахстанских респондентов также стал ВИЧ/СПИД (71%), на втором месте — наркотическая зависимость (44%) и онкологические заболевания (39%), на третьем — табачная зависимость, алкоголизм, сердечнососудистые заболевания и нарушения репродуктивных способностей (от 23% до 27%), меньше всего опасений вызывают венерические заболевания (18%) и пандемии (15%).

Можно было бы попробовать объяснить полученные данные, ссылаясь на реальные масштабы распространения перечисленных угроз в российском и казахстанском обществах, однако вряд ли это было бы оправдано: статистический учет по данным группам заболеваний и девиантных практик неточен и неполон, далеко не всегда в них представлена разбивка по возрастным группам, сомнительно, что молодежь отслеживает подобную информацию и формирует суждения об опасности заболеваний и аддикций на основе объективной статистики. Вероятнее всего, представленные выше опасения — реакция на устойчивый медийный шум и форматы презентации тех или иных проблем, которые не всегда дают полную и достоверную информацию о том, насколько человек способен с ними справиться. Видимо, доминирующие в обоих списках угрозы — это те заболевания и аддикции, которые ухудшают качество жизни человека и сокращают ее, особенно учитывая их стигматизацию (как результат дурного поведения) и отсутствие эффективной государственной системы медицинской и социальной поддержки людей, от подобных недугов страдающих.

Для перехода к более социальным страхам мы использовали вопрос о том, с кем или с чем были связаны негативные переживания респондентов за последние несколько месяцев. Безусловно, «контекст» опроса (анкеты раздавались в вузах), как и приоритетная сфера занятости респондентов (обучение в университете), оказали влияние на выбор сфер негативных переживаний: каждый второй московский респондент утверждает, что таковые в основном связаны с учебой; каждый третий называет родственников, друзей, здоровье и трудоустройство. Данное распределение ответов мы получили, используя набор дихотомических шкал, но не можем сопоставлять его с другими опросами: чешские коллеги не включили вопрос в анкету, а казахстанские коллеги сократили его до вопроса-меню, в результате чего приоритетной сферой негативных эмоций оказались отношения с родственниками (41%), а остальные варианты ответов (друзья, учеба и работа) набрали от 1,4% до 6%.

Для снижения «негативности» восприятия инструментария и понимания, как складывается учеба и трудоустройство студентов, в анкету были включены соответствующие нейтральные вопросы. Так, абсолютные лидеры среди продолжений фразы «Обучение в университете для тебя, в первую очередь...» у российских студентов — возможность получить знания и стать квалифицированным специалистом (их назвал каждый второй), а каждый третий видит в высшем образовании гарантии карьерного роста в будущем и возможности саморазвития и самореализации, реже (28%) — шанс получать высокую заработную плату или просто трудоустроиться, а также приятный способ препровождения (27%) (табл. 2). Структура мотивов у казахстанских респондентов аналогична лишь с тем различием, что каждый десятый (против 27%) рассматривает данный этап своей жизни как приятный способ времяпрепровождения. Проводить сопоставление с опросом в Праге мы не можем, поскольку в чешской анкете вопрос-меню был преобразован в набор дихотомических шкал. Тем не менее, мы привели результаты в таблице: для чешских студентов в равной степени приоритетны прагматичные (получение знаний, высокой квалификации и «корочки») и личностные (саморазвитие) мотивы обучения в университете, и структура распределения ответов в целом схожа с казахстанскими и российскими сверстниками.

Таблица 2

«Обучение в университете для тебя, в первую очередь» (в %)

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
возможность получить знания, необходимые для дальнейшей жизни	51,4	55	88,7
возможность стать квалифицированным специалистом	48	48,9	88,5
возможность получить «корочку», необходимую для трудоустройства	28,4	25,4	87,3
гарантии карьерного роста в будущем	33,6	27,4	55,4
гарантии высокой заработной платы в будущем	27,5	23,7	32
приятный способ времяпрепровождения	26,6	10,5	49,3
возможность саморазвития и самореализации	34,9	31,1	85,4

Свои карьерные перспективы студенты пытаются просчитывать уже сейчас — не работает 46% российских и 52% казахстанских респондентов. Преимущественно это, конечно, подработка (у каждого четвертого) или работа не по специальности (21% и 15% соответственно), по специальности трудоустроена незначительная доля студентов (9% и 8%). Подобное распределение объясняется критериями поиска места работы в период обучения: для 45% трудоустроенных российских респондентов (37% казахстанских) главным критерием была возможность сочетать работу с учебой, для 22% (25%) — заработная плата, для 20% (28%) — связь со специальностью. Мотивы неработающих студентов схожи, хотя приоритеты различаются: у российских студентов доминируют два соображения — опасения, что не получится совмещать работу и учебу (30%), которая в настоящий момент намного важнее (26%); реже респонденты отмечают, что работа негативно влияет

на успеваемость и снижает шансы на трудоустройство по специальности (15%), что не смогли найти подходящую работу (13%) или работу по специальности (11%). У казахстанских студентов первая группа мотивов лидирует с большим отрывом (28% и 43%), а вторая группа аналогична российской выборке.

Каждый третий российский респондент (и каждый второй казахстанский) хотел бы в будущем стать хозяином собственного бизнеса (рис. 2). Подобный разрыв, видимо, можно объяснить широко обсуждаемыми сложностями мелкого и среднего предпринимательства в России. Вероятно, с ними же связано наметившееся в российском опросе предпочтение государственных организаций для занятия руководящих должностей (доли ориентированных на эту группу должностей в коммерческом и государственном секторах в казахстанском опросе выше — 17% и 18%). Казахстанские респонденты реже хотят работать в коммерческом секторе (6% против 15% заинтересованных в трудоустройстве на государственные предприятия и 14% в российской выборке) и реже допускают возможность не работать вообще (1,8% против 4,4% в московской выборке). Несмотря на, казалось бы, популярность фриланса, работать в свободном режиме или на дому готов лишь каждый десятый, а среди московских респондентов эта доля за три года снизилась (с 14,3% до 9,6%).

Рис. 2. «В будущем ты надеешься...»

Оценивают свою учебу в университете чешские студенты иначе, чем их российскийские и казахстанские сверстники (Табл.3): последних можно условно разделить на три группы — большая часть (свыше 36%) учится нормально, будучи уверена, что способна при желании на большее; вторая группа прагматично фокусируется на необходимых в будущем аспектах обучения; каждый четвертый учится легко и с удовольствием. Как и в опросе, посвященном ценностным ориентациям, чешские респонденты продемонстрировали большую консолидированность оценок: хотя и среди них превалирует первая группа — обучающихся нормально, ее доля почти в два раза больше (64%), а доли двух групп соответственно — 17% и 11%.

Таблица 3

«Как у тебя складывается учеба в университете?» (в %)

Варианты ответов	Москва	Астана	Прага
здорово — впитываю знания, как губка, и учусь легко	24,6	26,3	11,3
старательно учу только то, что может мне пригодиться в дальнейшем и забиваю на остальное	28	31,6	17
учусь нормально, мог(ла) бы и лучше, если бы захотел(а)	39,9	35,7	64,4
особого интереса к учебе не испытываю — закончу вуз, потом сориентируюсь	6,2	6,5	4,1

Что касается основных сложностей в ходе обучения, то для российских студентов это все успевать (33%) и досдавать долги (31%), на втором месте — выступления перед аудиторией (каждый четвертый), контрольные работы (21%) и плохие оценки (23%), каждый десятый испытывает сложности в общении — с преподавателями и одногруппниками (по 12%) или решая проблемы с учебной частью (14%), не испытывает никаких сложностей лишь 7%. Распределение ответов казахстанских студентов схоже с московским опросом, но несколько различаются доли ответов: так, главные для них сложности (по 27%) — выступления перед аудиторией, плохие оценки и все успевать, каждый пятый не любит писать контрольные работы, по 14% испытывают сложности в общении с преподавателями и деканатом, столько же (что в два раза больше, чем в московском опросе) учатся без проблем, а сталкиваются с трудностями в общении с одногруппниками значительно меньше опрошенных (7% против 12). Проводить сопоставления с чешским опросом мы не можем, потому что чешские коллеги изменили набор ответов и использовали порядковую шкалу — просили студентов оценить, что им сложнее всего делать в ходе обучения, от 1 до 7 баллов (1 — очень трудно, 7 — совсем не трудно). Тем не менее, и для чешских студентов основные сложности — все успевать (4 балла), писать контрольные работы и выступать перед аудиторией (4,7), а трудностей в общении с преподавателями и одногруппниками они не испытывают.

В варианте о выступлениях перед аудиторией был заложен переход к следующему тематическому блоку анкеты, в котором студентам предлагалось оценить свое социальное самочувствие и высказаться о значении для себя публичной сферы. В ответах на вопрос «Одни люди боятся быть не такими, как все, другие, наоборот, стремятся выделиться. К кому бы ты отнес(ла) себя?» российскийские и казахстанские респонденты обозначили себя как социальных конформистов

(сумма тех, кто старается быть, как все, или выбирает «золотую середину» между теми, кто стремится и не стремится выделиться, составила, соответственно, 45% и 53%), каждый пятый российский и четвертый казахстанский респондент ориентируются по ситуации, а стремятся выделиться, соответственно, 25% и 19%.

Подобное распределение ответов отчасти объясняется трактовками жизненного успеха. Для студентов это, прежде всего, семейное благополучие (53% и 63%), по остальным критериям респонденты расходятся: у российских студентов на втором месте материальный достаток/богатство (43%) и творческая самореализация (42%), за ними следуют карьерные достижения (32%) и общественное признание/слава (21%), а у казахстанских студентов на втором месте также материальный достаток (44%), но общественное признание, творческая самореализация и карьерные достижения равнозначны (их назвал каждый третий). Иными словами, в обеих группах наблюдается сложный комплекс параметров оценки успешности, но сфера семейного благополучия имеет приоритетное значение: для молодежи наиболее важно признание и уважение семьи, близких и друзей (50% российских респондентов и 72% казахстанских). С огромным отрывом за ним следуют собственная самооценка (15% и 21% соответственно), признание широкого круга знакомых (по 14%) и товарищей по учебе/работе (по 10%). Иную картину мы наблюдаем в чешском опросе: жизненный успех для студентов — это, в первую очередь и в равной мере, семейное благополучие (58%) и творческая самореализация (60%), каждый второй назвал материальный достаток/богатство, каждый третий — карьерные достижения и общественное признание. Хотя на первом месте с точки зрения признания и уважения у чешских студентов также оказалась семья, друзья и близкие (81%), второе место с существенно большей долей, чем в российском и казахстанском опросах, заняла собственная самооценка (61%), каждый пятый назвал единомышленников и коллег по учебе/работе, каждый десятый — широкий круг знакомых. Собственно уже по распределению ответов на этот вопрос можно прогнозировать достаточно высокий уровень тревожности студенчества, поскольку достичь всех элементов успеха в современном обществе крайне сложно.

Для «диагностики» ключевых страхов студентов в анкету был включен вопрос «Задумываясь о своем будущем, чего ты опасаться больше всего?», распределение ответов на который в российской выборке в 2013 году оказалось предсказуемым, и варианты ответов были сгруппированы в несколько условных блоков (табл. 4): лидером оказался страх потерять близких (его указал каждый второй); вторую группу страхов, отмеченных каждым третьим, составили страх одиночества, бездетности и неизлечимого заболевания; на третьем месте — страхи экономического характера (от 21% до 27%), т.е. безработицы, бедности, вынужденного трудоустройства на низкооплачиваемую или неинтересную, но денежную работу; в четвертую группу (от 11% до 16%) вошли разные «разочарования» — в профессии, любви, учебе, способности избежать судебного или уголовного преследования, а также страх смерти; менее 10% опасаются публичных унижений, стать жертвой преступников, внепланово забеременеть или серьезно заболеть.

Распределение страхов российских студентов в целом сохранилось в 2016 году, но несколько изменились доли отдельных страхов и, соответственно, их услов-

ная группировка: так, лидер все тот же, но доля опасующихся потерять близких снизилась; вторую группу теперь формируют экономические страхи (бедности, безработицы и низкой заработной платы), и здесь остался страх неизлечимого заболевания; в третью группу сместились страхи бездетности, одиночества и, наоборот, поднялись страхи разочарования в профессии, любви, учебе и способности избежать судебного или уголовного преследования; в четвертой группе (от 11% до 18%) остались опасения не вступить в брак и умереть, но сюда поднялись страхи публичных унижений, стать жертвой преступности, внепланово забеременеть, серьезно заболеть, а также остаться без Интернета/компьютера. Безусловно, эти данные сложно интерпретировать, и мы бы не хотели делать сильные обобщения, ссылаясь на серьезные изменения внутри- и внешнеполитического контекста жизни российской молодежи за последние несколько лет, поэтому отметим лишь рост общего уровня ее тревожности (по большинству позиций, пусть и незначительно), а также изменения в соотношении преобладающих страхов. Так, уровень опасений, сосредоточенных в частной сфере, снизился по одним страхам (например, одиночества), но возрос по другим (страх разочароваться в профессии или в любви), а страхи экономического блока однозначно усилились (получать низкую заработную плату, стать безработным или бедным, быть отчисленным), как и осознание рисков личной безопасности (оказаться под следствием, умереть, стать жертвой преступников), причем почти в четыре раза выросла доля опасующихся стать жертвой массовой эпидемии или лишиться доступа к Интернету/компьютеру.

Таблица 4

«Задумываясь о своем будущем, чего ты опасешься больше всего?»

Варианты ответов	Москва (2013)	Москва (2016)	Астана
Потерять близких	57%	49,5%	44,9%
Заболеть неизлечимой болезнью	34,4%	33,3%	23,7%
Быть бездетным	31,2%	27,4%	19,1%
Оказаться одиноким человеком	30,8%	24%	18,9%
Получать заработную плату, которая не позволит мне жить так, как я хочу	27,4%	35,7%	24,9%
Оказаться безработным	24,4%	31,2%	32,9%
Бедности	22,8%	31%	18,4%
Вынужденно трудоустроиться на неинтересную, но денежную работу	20,8%	18,3%	22,4%
Разочарования в выбранном деле / профессии	16,2%	25,1%	15,4%
Неудачи в любви	15,6%	21,5%	8,8%
Отчисления (боюсь, что не смогу доучиться / получить диплом)	14,6%	25,6%	11,3%
Оказаться под следствием / в тюрьме	13,2%	20,4%	5,3%
Не выйти замуж / не жениться	11,8%	13,8%	12,2%
Умереть	10,8%	17,2%	6%
Публичного унижения / оскорбления	10,4%	12,4%	6,7%
Стать жертвой преступников	9,4%	16,7%	6%
Внепланово забеременеть	7,2%	10,6%	3,7%
Заболеть свиным гриппом или иной пандемической болезнью	5%	16,7%	5,3%
Пойти служить в армию	3,6%	5,4%	2,1%
Жизни без компьютера / Интернета	2,6%	11,3%	1,8%

Распределение ответов казахстанских студентов напоминает результаты прошлого, а не нынешнего московского опроса по целому ряду параметров, хотя в целом условный рейтинг страхов казахстанского студенчества аналогичен таковому у российских студентов, за исключением того, что общий уровень тревожности первой группы существенно ниже. Среди страхов казахстанских респондентов также лидирует страх потерять близких (45%) и набор условных групп страхов не меньше, однако доли, по которым эти группы формируются, ниже, чем в московских опросах. Так, на втором месте по частоте упоминаний (его назвал каждый третий) оказался страх безработицы; третий блок (22—24%) составили опасения заболеть неизлечимой болезнью, получать низкую заработную плату или вынужденно трудоустроиться на денежную, но неинтересную работу; каждый пятый указал страх бедности, одиночества и бедности; пятую группу (11—15%) формируют опасения разочароваться в профессии, страх отчисления и невступления в брак, тогда как остальные угрозы упоминались намного реже, особенно если сравнивать их уровень с российскими опросами (в три—четыре раза).

Мы не можем сравнивать результаты опросов в трех странах, потому что чешские коллеги сократили список страхов и применили для оценки каждого из них порядковую шкалу (пять вариантов ответа — от «абсолютно не боюсь» до «очень боюсь»). Единственное, что можно сказать о представленности семи страхов среди чешских студентов, так это констатировать сходство с российским и казахстанским опросами (если суммировать варианты «скорее боюсь» и «очень боюсь»): здесь также доминирует страх тяжелой утраты (близких) — 44%, каждый третий боится безработицы, каждый четвертый — одиночества; уровень тревожности, связанный с рисками низкого дохода, бедности и отчисления, аналогичен российской ситуации (их назвал каждый третий, что значительно выше казахстанского показателя), а уровень опасений вынужденно трудоустроиться на неинтересную работу существенно выше (38% против каждого пятого в других опросах), что предсказуемо, учитывая, сколь важна для чешских студентов самореализация.

В значительной степени объясняет доминирование страха потерять близких распределение ответов на вопрос «Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями в жизни страны?» (табл. 5).

Таблица 5

«Насколько ты лично боишься столкнуться со следующими явлениями?»

Варианты ответов	Очень + немного боюсь		
	Москва (2013)	Москва (2016)	Астана
Террористические атаки в стране	81,4%	80,4%	79,1%
Разгул преступности	73,2%	75,8%	69,1%
Коррупция и беззаконие	72,1%	75,5%	79,8%
Последствия мирового экономического кризиса	69,9%	79,5%	74,2%
Политический экстремизм (нападения фашистов, скинхедов, расистов и других националистических группировок)	66,8%	75,6%	67,1%

Варианты ответов	Очень + немного боюсь		
	Москва (2013)	Москва (2016)	Астана
Стихийные бедствия (землетрясение, наводнение и пр.)	66,2%	75,4%	60,7%
Военные действия	65,6%	80,4%	68,9%
Массовая эпидемия	64,5%	76,1%	62,2%
Химическое и радиационное заражение воды, воздуха	64,1%	74,4%	65,3%
Экологическая катастрофа	63,5%	71%	65,8%
Межэтнический конфликт	60,5%	70,1%	53,6%
Ядерная война	60,5%	73,2%	69,1%
Полная утрата традиций и культуры	59,2%	64,3%	59,4%
Техногенная катастрофа	58%	73,4%	56,4%
Вытеснение мигрантами коренного населения	54,3%	58,1%	43,4%
Гражданская война	54,1%	72%	62,8%
Революция/путч/переворот	51,4%	66,4%	62,5%
Безвластие, анархия	47,5%	42,9%	61,7%
Вторжение инопланетян	21,9%	32,4%	—

Оно подтверждает высокий уровень «нормальной» (для общества риска) тревожности молодежи, которая, по сути, признает, что сегодня человек окружен неимоверным количеством угроз, значительная часть которых не поддается индивидуальному контролю или прогнозированию (терроризм, техногенные и экологические катастрофы, стихийные бедствия, военные угрозы и пр.). Мы рассматриваем суммарное распределение вариантов «очень боюсь» и «немного боюсь» (третий вариант оценки — «это маловероятно»), потому что перечисленные угрозы не являются рутинно актуальными, а скорее потенциально опасны, но презентуются средствами массовой информации в первом «статусе». Большинство опрошенных в 2013 году как высоко вероятные оценивали террористические угрозы (81%), разгул преступности, коррупцию и последствия мирового экономического кризиса (свыше 70%), политический экстремизм, стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, радиационные, техногенные и экологические катастрофы, ядерную войну (свыше 60%) и т.д.

За несколько лет уровень тревожности российского студенчества вырос. Опрос 2016 года показал, что в «репертуаре» страхов сохранились две крайние позиции: максимальные опасения все также вызывает угроза террористических атак (80%) (что объяснимо, учитывая частоту сообщений о реализованных и предотвращенных терактах в средствах массовой информации), но к ним добавились последствия мирового экономического кризиса (он, экономические и финансовые санкции и падение курса рубля серьезно ухудшили экономическую ситуацию в стране) и угроза военных действий (что неудивительно, учитывая

военные действия, в которые вовлечена Россия, а также милитаристские геополитические приоритеты, декларируемые лидерами государства); наименьшие опасения все также вызывает вторжение инопланетян (хотя уровень обеспокоенности вырос с 22% до 32%). Примерно на том же уровне остались опасения разгула преступности, коррупции и беззакония, утраты культуры и традиций, вытеснения мигрантами коренного населения, безвластия и анархии, но на 10% и больше выросли опасения последствий экономического кризиса, политического экстремизма, стихийных бедствий, военных действий, массовых эпидемий, химического и радиационного загрязнения, межэтнических конфликтов и техногенных катастроф, гражданской войны и путча (что говорит о негативной оценке нынешней социальной ситуации и возможных сценариев ее развития).

На первый взгляд уровень тревожности казахстанских студентов несколько ниже и напоминает результаты прошлого московского опроса. Однако по ряду параметров уровень озабоченности казахстанского студенчества аналогичен российской выборке (террористические атаки, разгул преступности, коррупция и беззаконие, последствия мирового экономического кризиса, экологические катастрофы, ядерная война, утрата традиций и культуры, политический переворот), а по другим показателям либо выше (политический экстремизм), либо существенно ниже (стихийные бедствия, военные действия, массовые эпидемии, химическое и радиационное загрязнение, межэтнические конфликты, техногенные катастрофы, вытеснение мигрантами коренного населения, гражданская война и безвластие/анархия). Эти различия показательны, они свидетельствуют, что казахстанская молодежь более уверенно себя чувствует, поскольку меньше опасается внутриполитических угроз и рисков, контролировать которые должны социальные институты и государство.

Впрочем, как неоднократно подчеркивалось, в основном обо всех угрозах российские студенты узнают из Интернета, т.е. угрозы имеют медийный формат, а не статус актуальных. Резкий рост роли радио- и телепередач, газет и журналов в качестве источников информации о рисках следует воспринимать как результат перехода этих медиа в интернет-среду: молодежь не начала вдруг активно покупать газеты и журналы и слушать радио — эти медийные игроки выступают либо как компонент Интернета, либо как источник хорошей фоновой музыки, где в перерывах между композициями приходится слушать сводки новостей (рис. 3). Ближний круг общения менее важен — разные его «участники» набрали от 22% до 28%, хотя роль разговоров с представителями старших поколений для социального ориентирования в рисках возросла. Несмотря на схожее с российским опросом (особенно 2013 года) распределение источников информации об угрозах, следует отметить больший «традиционализм» казахстанских респондентов, поскольку они чаще предпочитают традиционные коммуникативные каналы — ближний круг, родственников и друзей (42% против 28%), и разговоры в общественных местах (17% против 9%). Лишь каждый четвертый российский и пятый

казахстанский респондент уверенно заявил, что после просмотра информационных и аналитических сообщений у него не возникает чувство тревоги — каждый седьмой испытывает его практически всегда, около 60% — иногда.

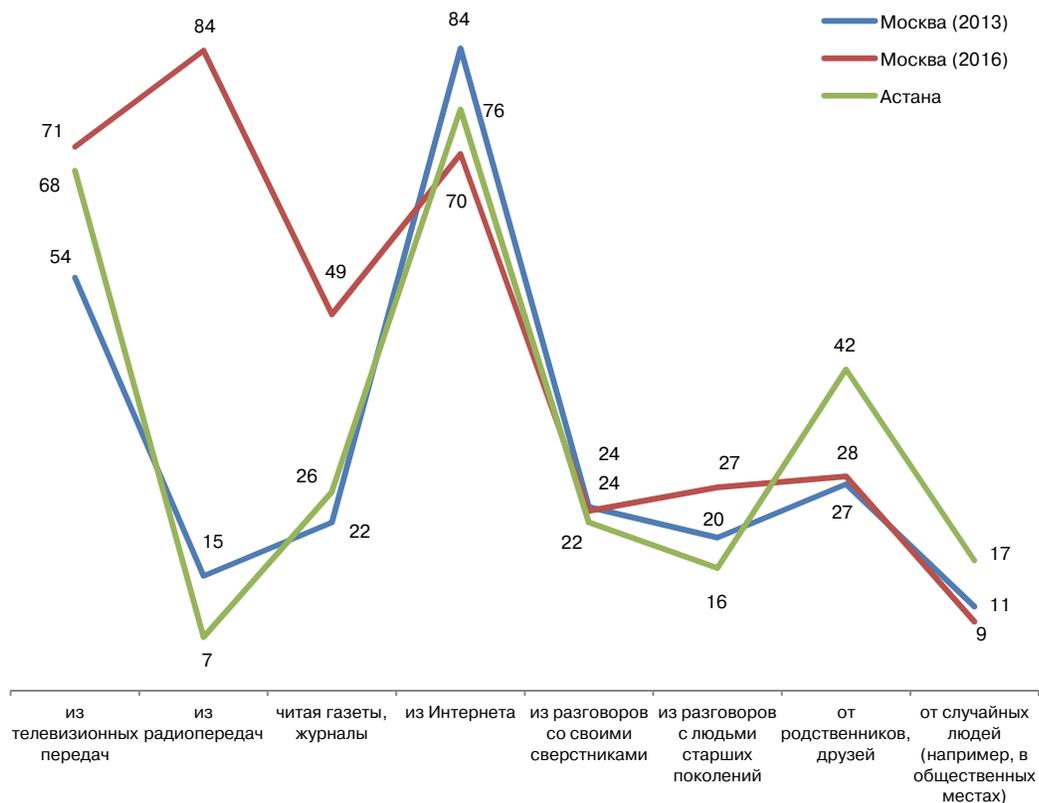

Рис. 3. «Обо всех перечисленных угрозах ты, как правило, узнаешь...» (в %)

Тем не менее, при столь высоком уровне тревожности для студенчества не характерен пессимизм и безрадостный жизненный настрой. В самооценках и восприятии окружающей действительности российские студенты не склонны высказываться консолидировано: треть смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, треть — спокойно, но без особых надежд и иллюзий, каждый пятый — со страхом и неуверенностью, 7% — со страхом и отчаянием, т.е. пессимистом можно назвать каждого четвертого, но говорить о доминирующем трагически-безрадостном настрое московского студенчества, безусловно, нельзя. Здесь российские респонденты оказались солидарны с чешскими сверстниками: среди них также треть настроена оптимистично, треть — спокойно, каждый четвертый — тревожно-неуверенно (24%), а 4% смотрят в будущее со страхом и отчаянием (итого 28% пессимистично настроенных). В казахстанском опросе распределение ответов иное, чего следовало ожидать, учитывая меньший уровень тревожности

молодежи: большинство (60%) смотрит в будущее с надеждой и оптимизмом, 26% — спокойно, а пессимистично настроены 14% (2% смотрят в будущее со страхом и отчаянием). Среди казахстанских респондентов выше доля довольных жизнью (сумма вариантов «вполне доволен» и «скорее доволен») — 83%, в московском опросе таковых 64%, а среди чешских студентов, несмотря на схожий с российскими сверстниками взгляд в будущее, 77%, что, видимо, говорит о четком разведении оценок жизни в целом и собственной жизни в частности. Это подтверждает и то, что, несмотря на указанные различия, практически каждый второй во всех трех странах испытывает (часто или иногда) опасения, что может стать неудачником. Спокойное восприятие будущего на фоне высокой озабоченности перспективами личного столкновения с огромным спектром угроз, вероятно, обусловлено тем, что большая часть страхов семейно-личного и финансово-экономического характера еще не вполне актуальна для молодежи, а риски социально-политического и стихийно-катастрофического плана воспринимаются как неизбежность вследствие рутинизирующего их медийного «шума».

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Троцук И.В.* Мировоззренческие доминанты молодежи: возможности эмпирической фиксации сквозь призму страхов, надежд и опасений // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2013. № 3; *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2013. № 4; *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // *Теория и практика общественного развития*. 2014. № 2.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- [2] *Горшков М.К.* Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества // *Социологические исследования*. 2009. № 7.
- [3] *Ильясов Ф.Н.* Феномен страха смерти в современном обществе // *Социологические исследования*. 2010. № 9.
- [4] Призрачные угрозы: россиянам не свойственен параноидальный страх перед внешним миром // <http://fom.ru/Mir/10097>.
- [5] Спокойно или тревожно живет россиянин? Россияне о настроениях в стране и среди близких // <http://fom.ru/obshchestvo/10367>.
- [6] Страхи россиянина // <https://www.levada.ru/2015/08/18/strahi-rossiyan-3>.
- [7] Рост цен и угроза войны: социологи узнали главные страхи россиян // <https://ria.ru/society/20170927/1505641503.html>.
- [8] *Фрейд З.* Истерия и страх / Пер. с нем. А.М. Боковой. М.: ООО СТД, 2006.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-2-284-302

**THE SOCIAL WELL-BEING
OF THE POST-SOCIALIST COUNTRIES' YOUTH
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA, KAZAKHSTAN
AND CZECH REPUBLIC):
COMPARATIVE ANALYSIS OF FEARS AND HOPES
(Part 2)***

N.P. Narbut, I.V. Trotsuk

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: narbut_np@rudn.university; trotsuk_iv@rudn.university)

Abstract. The article is the second part of the publication presenting the empirical results of the three-year study conducted by the Sociology Chair of the RUDN University in cooperation with foreign colleagues to compare the worldview priorities of the today's student youth. Due to the article size limitations the authors divided the data into two parts: in the first part, they focused on identifying values of three groups of students, which serve as reference points specifying the social action limits and criteria for assessing events and situations. In the second part, the authors continue to characterize values of the younger generations of the post-socialist countries relying on the empirical data collected with another questionnaire focusing on the students' fears and hopes. In recent decades, the catastrophic/crisis consciousness has been widely studied and social fears were institutionalized as an important subject of sociological analysis. However, value orientations and mass fears are still rarely recognized as interrelated in empirical studies, although real and 'normal' fears (total and routinized in the contemporary risk society in U. Beck's terms) are a key indicator of value orientations even if they are not real but presented as such by the media. Serious modifications of the Russian questionnaire in the Czech and Kazakhstan surveys do not allow for broad comparisons or generalizations; however, the empirical results reveal key life priorities and fears of the students (considering employment, incomes, personal relationship, health, education, etc.), general level of the youth's anxiety, main strategies to overcome uncomfortable situations, and factors that determine anxiety. The authors conclude that (a) the social well-being of the student youth is very ambiguous in all three countries; (b) in general, fears and hopes of the Russian youth are more similar to their Kazakhstan peers; (c) the Czech students are more certain on a number of issues, which proves their stereotypical western individualism as compared to the Russian 'traditionalism'.

Key words: students; youth; fears; hopes; comparative analysis; survey questionnaire

REFERENCES

- [1] Beck U. *Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modern* [Risk Society: Towards a New Modernity]. Moscow: Progress-Traditsija; 2000 (In Russ.).
- [2] Gorshkov M.K. Fobii, ugrozy, strahi: socialno-psihologicheskoe sostojanie rossijskogo obshhestva [Phobias, threats, and fears: The social-psychological state of the Russian society]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2009: 7 (In Russ.).

* © N.P. Narbut, I.V. Trotsuk, 2017.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities (Russian Foundation for Basic Research). The project No. 15-03-00573 "The social well-being of the youth in post-socialist countries: Comparative analysis (on the example of Russia, Kazakhstan, China, Serbia and Czech Republic)".

- [3] Iljasov F.N. Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve [The fear of death in the contemporary society]. *Sociologicheskie Issledovanija*. 2010: 9 (In Russ.).
- [4] Prizrachnye ugrozy: rossijanam ne svojstvenen paranoidalnyj strah pered vneshnim mirom [Phantom threats: Russians do not have paranoid fear of the outside world]. <http://fom.ru/Mir/10097> (In Russ.).
- [5] Spokojno ili trevozhno zhivetsja rossijanam? Rossijane o nastroenijah v strane i sredi blizkih [Are Russians calm or anxious? Estimates of the public mood and the attitudes of one's relatives]. <http://fom.ru/obshchestvo/10367> (In Russ.).
- [6] Strahi rossijan [Fears of Russians]. <https://www.levada.ru/2015/08/18/strahi-rossijan-3> (In Russ.).
- [7] Rost tsen i ugroza vojny: sociologi uznali glavnye strahi rossijan [The rise in prices and the threat of war: Sociologists revealed the main fears of Russians]. <https://ria.ru/society/20170927/1505641503.html>.
- [8] Freud S. *Isterija i strah* [Hysteria and Fear]. Per. s nem. A.M. Bokovikova. Moscow: OOO STD; 2006 (In Russ.).